

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
21 January 2002
Russian
Original: English

Комиссия международного права

Пятьдесят третья сессия

Женева, 29 апреля — 7 июня и
22 июля — 16 августа 2001 года

Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии (2001 год)

Подготовленное Секретариатом тематическое резюме обсуждений, состоявшихся в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи на ее пятьдесят шестой сессии

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Введение	1–4	3
Тематическое резюме	5–123	3
A. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности)	5–36	3
1. Общие комментарии	5–9	3
2. Комментарии по конкретным проектам статей	10–29	4
3. Будущая форма проектов статей	30–33	6
4. Будущая работа над вопросом об ответственности	34–36	7
B. Оговорки к договорам	37–67	7
1. Общие комментарии	37–44	7
2. Проекты основных положений	45–53	8
Проект основного положения 1.4.7 (Односторонние заявления о выборе между положениями договора)	45	8
Проект основного положения 2.1.1 (Письменная форма)	46	8

Проекты основных положений 2.1.3 (Полномочия формулировать оговорки на международном уровне)/2.4.1 (Формулирование заявлений о толковании)	47	8
Проекты основных положений 2.1.3 бис (Полномочия формулировать оговорки на национальном уровне)/2.4.1 бис (Полномочия формулировать заявления о толковании на национальном уровне)	48	8
Проект основного положения 2.1.4 (Отсутствие последствий на международном уровне нарушения внутренних норм, касающихся формулирования оговорок)	49	9
Проекты основных положений 2.1.5 (Уведомление об оговорках)/2.4.9 (Уведомление об условных заявлениях о толковании)	50	9
Проект основного положения 2.2.2 (Случаи необязательности подтверждения оговорок, сформулированных при подписании договоров)	51	9
Проект основного положения 2.2.3 (Оговорки, сформулированные при подписании, прямо предусмотренные договором)	52	9
Проекты основных положений 2.4.3 (Момент, в который может быть сформулировано заявление о толковании)/2.4.4 (Необязательность подтверждения заявлений о толковании, сформулированных при подписании договора)	53	9
3. Последующее формулирование оговорок	54–59	9
4. Роль депозитария	60–67	10
C. Дипломатическая защита	68–90	11
1. Общие комментарии	68–69	11
2. Комментарии по конкретным статьям	70–87	12
Статья 2	70	12
Статья 6	71	12
Статья 8	72–73	12
Статья 9	74–78	13
Статья 10	79–84	14
Статья 11	85–86	15
Статья 14	87	16
3. Комментарии по конкретным вопросам	88–90	16
Юридические лица	88–90	16
D. Односторонние акты государств	91–121	17
1. Общие комментарии	91–92	17
2. Классификация односторонних актов и сфера охвата этой темы	93–108	17
3. Подход к теме	109–121	18
E. Другие решения и выводы Комиссии	122–123	20

Введение

1. На своей пятьдесят шестой сессии Генеральная Ассамблея на своем 3-м пленарном заседании 19 сентября 2001 года по рекомендации Генерального комитета постановила включить в повестку дня сессии пункт, озаглавленный «Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии», и передать его Шестому комитету.

2. Шестой комитет рассматривал этот пункт на своих 11 — 24-м заседаниях 29 октября — 9 ноября и на своем 27-м заседании 19 ноября 2001 года. Председатель Комиссии международного права на ее пятьдесят третьей сессии представил на рассмотрение доклад Комиссии: главы I–IV на 11-м заседании 29 октября; главу V на 16-м заседании 2 ноября; главу VI на 19-м заседании 5 ноября и главы VII–IX на 22-м заседании 7 ноября. На своем 27-м заседании 19 ноября Шестой комитет принял проект резолюции A/C.6/56/L.17, озаглавленный «Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят третьей сессии». Проект резолюции был принят Генеральной Ассамблеей на 85-м пленарном заседании 12 декабря 2001 года в качестве резолюции 56/82.

3. В пункте 19 резолюции 56/82 Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря подготовить и распространить тематическое резюме прений, состоявшихся по докладу Комиссии на пятьдесят шестой сессии Ассамблеи. Во исполнение этой просьбы Секретариат подготовил настоящий документ, содержащий тематическое резюме прений.

4. Документ состоит из пяти разделов: А. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности); В. Оговорки к договорам; С. Дипломатическая защита; D. Односторонние акты государств и E. Другие решения и выводы Комиссии.

Тематическое резюме

А. Международная ответственность за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом (предотвращение трансграничного вреда от опасных видов деятельности)

1. Общие комментарии

5. Несколько делегаций с удовлетворением отметили принятие Комиссией заверченного текста проекта преамбулы и 19 проектов статей о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности, а также комментариев к ним. Отмечалось, что проекты статей представляют собой важную попытку в области заполнения некоторых пробелов в существующем режиме международных экологических договоров и способствуют прогрессивному развитию международного права. Указывалось, что текст проектов статей был уплотнен и усовершенствован во время обсуждений Комиссии на пятьдесят третьей сессии и является важной основой ключевых положений, регулирующих обязательства, которые должны применяться к государствам, осуществляющим опасные виды деятельности на своей территории или в районах, находящихся под их юрисдикцией. Проекты статей нацелены на регулирование рисков и должную заботливость в отношении предотвращения ущерба. В них подчеркнуты обязательства государств консультироваться друг с другом относительно потенциальных рисков трансграничного вреда, но не предусматривается право какого-либо государства накладывать вето на опасные виды деятельности другого государства, осуществляемые на территории последнего.

6. Отмечалось, что в тексте установлен баланс между свободой государств заниматься деятельностью, не запрещенной международным правом, и ограничением такой свободы с учетом экологических соображений и международных соглашений о сотрудничестве. В проектах статей должным образом учитываются позиции как государства происхождения, так и государства, которое может быть затронуто.

7. Было выражено мнение о том, что Комиссия правильно решила рассмотреть сначала вопрос о

предотвращении и такой подход является предпочтительным. Вместе с тем указывалось, что проекты статей все же могут быть улучшены и укреплены. Несколько делегаций выразили мнение о том, что проекты статей являются слишком ограниченными в некоторых отношениях. В частности, было выражено мнение о том, что в текст следует включить ясно выраженную ссылку на принцип предосторожности и что вред, причиненный в районах за пределами национальной юрисдикции, например, в открытом море или на морском дне, должен быть также охвачен этим текстом. В этом контексте было предложено рассмотреть вопрос о создании международного органа, отвечающего за наблюдение за окружающей средой в районах, не находящихся под юрисдикцией какого-либо государства, а также за осуществление публичной деятельности на международном уровне.

8. Предлагалось также рассмотреть вопрос о том, являются ли обязательства относительно предотвращения исключительно процессуальными по своему характеру, как это в настоящее время предлагается, или они должны включать в себя материально-правовые требования, предусматривающие смягчение некоторых последствий или их предотвращение.

9. Отмечалось, что необходимо уделять должное внимание вопросам, касающимся развития и передачи технологии и ресурсов в целях создания потенциала в развивающихся странах. Инициативы в области регулирования рисков, связанных с опасными видами деятельности, которые являются существенно важными для развития, должны укладываться в общий контекст права на развитие с должным учетом экологической проблематики и интересов государств, которые могут быть затронуты.

2. Комментарии по конкретным проектам статей

10. Несколько делегаций поддержали подход, отраженный в преамбуле. Однако было выражено мнение о том, что несмотря на то, что была включена ссылка на Рио-де-Жанейрскую декларацию об окружающей среде и развитии, отсутствие в явно выраженной форме указания на принцип предосторожности вызывает сожаление.

11. Что касается **статьи 1**, то была выражена поддержка предложению добавить в название указания

на «опасные виды деятельности». Было также поддержано предложение об использовании выражения «значительный трансграничный вред», хотя отмечалось, что порог «значительный» может рассматриваться в качестве одного из общих условий для применимости проектов статей.

12. Было выражено мнение о том, что сфера охвата статьи 1 не должна ограничиваться теми видами деятельности, которые «не запрещены международным правом», и что проекты статей должны применяться ко всем видам деятельности, сопряженным с риском значительного трансграничного вреда, независимо от того, был ли такой вред причинен законной деятельностью или в результате нарушения международного обязательства соответствующего государства. Однако отмечалось, что выражение «не запрещенные международным правом» представляет собой основу для проведения различия между темой о международной ответственности и темой об ответственности государств. Указывалось также, что выражение «виды деятельности, не запрещенные международным правом» необходимо для указания на то, что еще предстоит поработать над темой об ответственности после того, как будут приняты статьи о предотвращении.

13. Что касается употребления терминов в **статье 2**, то отмечалось, что определение «трансграничного вреда» правильно указывает также на вред, распространяющийся за пределы морских границ, включая прилежащие исключительные экономические зоны, а также на ситуации, когда вред причинен на территории одного государства в результате деятельности в другом государстве, в том случае, когда эти государства не имеют общих границ.

14. В **статье 3** закреплено основное обязательство, касающееся предотвращения. Было выражено мнение о том, что, хотя оно представляет собой солидную основу для проектов статей в целом, по-прежнему не совсем ясно, как обязательство о предотвращении связано с требованием о справедливом балансе интересов, о котором идет речь в статьях 9 и 10. Кроме того, в связи с определением превентивных мер, которые надлежит принимать, было выражено мнение о том, что концепция «надлежащих мер» должна быть более точно определена.

15. Указывалось, что ссылку на «компетентную международную организацию» в **статье 4** следует

толковать как включающую соответствующие региональные организации. Было также выражено мнение о том, что используемая формулировка дает возможность распространять сферу охвата этого положения на неправительственные организации, которые могут оказать соответствующее содействие в целях предотвращения трансграничного вреда и сведения к минимуму его опасности.

16. Что касается **статьи 5** об имплементации, то было предложено улучшить формулировку этого положения, с тем чтобы более четко сформулировать обязательство государств безотлагательно принимать необходимые меры.

17. Что касается **статьи 6** о разрешении, то было предложено уточнить формулировку этого положения, с тем чтобы оно более четко отражало тот факт, что именно государство происхождения дает разрешение какому-либо образованию, которое планирует осуществлять или осуществляет потенциально опасную деятельность.

18. В **статье 7** речь идет об оценке воздействия на окружающую среду. Было выражено мнение о том, что положение о такой оценке следует усилить. Кроме того, было высказано соображение о предпочтительности включения обязательных соглашений в области оценки воздействия на окружающую среду на региональной или тематической основе, а не на глобальном уровне.

19. Что касается **статьи 8** об уведомлении и информации, то была выражена озабоченность в связи с тем, что в отношении ответа на уведомление государства происхождения о риске причинения значительного трансграничного вреда не совсем ясно, должен ли ответ государства, которое может быть затронуто, быть окончательным или же временное уведомление будет выполнять функции ответа. Кроме того, вызывает сомнение, должно ли государство, которое может быть затронуто, соглашаться на осуществление деятельности или оно же, действуя по своему собственному усмотрению, может предложить государству происхождения провести консультации в соответствии со **статьей 9**.

20. В связи со **статьей 8** было также высказано соображение о том, что она должна толковаться как означающая, что своевременное уведомление, которое государство происхождения должно осуществлять по отношению к государству, которое может быть затронуто, должно производиться независимо

от политической напряженности. Если прямое уведомление подобного рода не является практически осуществимым по политическим мотивам, государство происхождения должно производить уведомление третьей стороны или компетентной международной организации, которые в свою очередь пре-проводят его затрагиваемому государству.

21. Что касается **статьи 9** о консультациях относительно превентивных мер, то было выражено мнение о том, что в связи с пунктом 3 было бы целесообразным более точно определить степень, в которой государство происхождения должно учитывать интересы государства, которое может быть затронуто, если в ходе консультаций не было достигнуто общеприемлемого решения. В таком случае единственным критерием должен быть справедливый баланс интересов. Было высказано также предложение о включении ссылки на приостановление запланированной деятельности на период, не превышающий шесть месяцев.

22. Что касается **статьи 10**, то было выражено мнение о том, что существует опасность того, что стороны могут по-разному толковать понятие «справедливый баланс интересов». Это свидетельствует о необходимости включения более категоричной формулировки о разрешении споров. Указывалось также, что необходимо учитывать уровень развития государств при рассмотрении соответствующих расходов, а также технические и финансовые ресурсы, необходимые для предотвращения рисков, связанных с опасными видами деятельности. Как представляется, подпункт (d) не является адекватным в этом отношении, поскольку в нем содержится указание на расходы, которые государства готовы нести, а не расходы, которые они могут покрывать. Было также предложено объединить подпункты (a) и (b) и более четко изложить принцип предосторожности, имплицитно отраженный в подпункте (c).

23. Согласно одному мнению, **статья 10** могла бы включать в себя конкретное указание, по крайней мере в комментарии, на риски, которым подвергаются уязвимые элементы биологического разнообразия, а также четкое указание на глобальное воздействие на сельское хозяйство рисков, затрагивающих центры происхождения и генетическое разнообразие. Вместе с тем отмечалось, что перечень в **статье 10** не является исчерпывающим, что позво-

ляет государствам принимать во внимание и другие факторы.

24. Что касается **статьи 11**, то одна делегация выразила мнение о том, что пункт 3, требующий, чтобы государство происхождения принимало надлежащие и практически осуществимые меры для минимизации риска и, в соответствующих случаях, обеспечивало приостановление деятельности на разумный срок, должен находиться не в статье 11, которая касается лишь процедур в случае отсутствия уведомления, а в статье 9, в которой идет речь о консультациях относительно превентивных мер.

25. Что касается **статьи 13**, то было высказано предложение об укреплении этого положения, с тем чтобы дать и общественности возможность представлять свое мнение и оказывать влияние на этот процесс. Отмечалось также, что информирование общественности о деятельности и связанных с ней рисками должно производиться в соответствии с национальным законодательством.

26. Что касается **статьи 14** о национальной безопасности и промышленных секретах, то было предложено ввести элемент соразмерности в связи с положением о некоторых видах информации, когда особые обстоятельства, связанные с опасной деятельностью, могут обуславливать соответствующую необходимость.

27. Высказываясь по вопросу об урегулировании споров, несколько делегаций с удовлетворением отметили включение в **статью 19** положения об обращении к беспристрастной комиссии по установлению фактов в рамках урегулирования споров. Было выражено мнение о том, что комиссия по установлению фактов должна выполнять также функции примирения, поскольку спор может касаться не только фактов.

28. Однако несколько делегаций заявили о том, что положения об урегулировании споров должны быть усилены по примеру статьи 33 Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков, в частности, посредством включения положения о возможности передачи спора на арбитражное или судебное урегулирование, а также возможности обязательного урегулирования споров Международным Судом.

29. Одна из делегаций выразила мнение о том, что необходимость в конкретном указании способов

урегулирования споров отсутствует, поскольку все они охватываются ссылкой на «мирные средства урегулирования». Другая делегация высказала сомнение относительно необходимости перечисления в пункте 1 мирных средств урегулирования, которые стороны могут выбирать для разрешения споров, касающихся толкования или применения статей, с учетом того, что в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций содержится более полный перечень.

3. Будущая форма проектов статей

30. Несколько делегаций поддержали рекомендацию Комиссии в адрес Генеральной Ассамблеи в отношении разработки рамочной конвенции на основе проектов статей о предотвращении. Отмечалось, что такой подход не должен согласовываться с подходом, принятым в отношении темы «о гражданской принадлежности в связи с правопреемством государств», когда Генеральная Ассамблея приняла к сведению проекты статей в целях их дальнейшей разработки в форме конвенции.

31. Другие делегации выразили мнение о преждевременности вынесения проектов статей на дипломатический уровень до того, как Комиссия завершит свою работу над вопросом об ответственности. Было предложено, чтобы Комиссия как можно скорее занялась вопросом о международной ответственности и лишь после того, как она завершит свою работу над аспектом ответственности, можно будет начинать переговоры о конвенции, касающейся как предотвращения, так и ответственности.

32. Согласно одному мнению, прежде чем Шестой комитет приступит к более внимательному анализу проектов статей, государствам следует дать время для их изучения. Согласно другому мнению, проекты статей по-прежнему нуждаются в определенной доработке и для продолжения работы над этой темой следует учредить рабочую группу Шестого комитета.

33. Было также выражено мнение о том, что было бы, видимо, более целесообразным принять проекты статей в качестве комплекса критериев для ориентации государств в их внешних сношениях, в частности, во время переговоров о соглашениях на двустороннем и многостороннем уровнях.

4. Будущая работа над вопросом об ответственности

34. Несколько делегаций выразили мнение о том, что Комиссии следует возобновить свою работу над вопросом об ответственности. Указывалось, что четкий комплекс норм об ответственности является неперенным условием для установления надлежащего режима в области трансграничного вреда. Кроме того, отмечалось, что по теме о международной ответственности в практике государств, судебной практике и международных соглашениях существует достаточный объем материала, который необходимо исследовать и изучить. Указывалось на работу над вопросом о международной ответственности, проведенную бывшим Специальным докладчиком г-ном Хулио Барбосой и отраженную в его нескольких всеобъемлющих докладах по этой теме.

35. Другие делегации выразили мнение о том, что Комиссии потребуется определенное время для того, чтобы сначала произвести оценку практической осуществимости кодификации норм об ответственности. Было высказано предложение о том, что Комиссии, видимо, следовало бы провести обзор различных договоров, в которых рассматривается вопрос об ответственности, и нынешних проектов на других форумах. Такой обзор позволил бы узнать, какие уроки можно извлечь из практики успешного и неудачного применения этих документов, и изучить вопрос о том, какую имеющую реальную ценность дополнительную работу могла бы проделать Комиссия.

36. Что касается существа аспекта ответственности, то было выражено мнение о том, что Комиссии следует разработать процедурные стандарты по вопросу о доступе к органам правосудия и материально-правовые стандарты в отношении ответственности и возмещения. Он должен включать в себя обязательство государств устанавливать режимы гражданской ответственности, в соответствии с которыми оператор, осуществляя опасную деятельность, должен будет принимать меры по исправлению положения и производить возмещение в соответствии с принципом «загрязнитель платит». Режим ответственности должен также предусматривать остаточную ответственность государств в случае отсутствия эффективного режима ответственности оператора.

В. Оговорки к договорам

1. Общие комментарии

37. Некоторые делегации высказали мнение о том, что нормы об оговорках, изложенные в Венской конвенции о праве международных договоров, действуют эффективно, обрели статус норм обычного права и установили правильный баланс между сохранением текстов договоров и целью обеспечения универсального участия в договорах. Поэтому отличающиеся режимы, применимые к договорам по вопросам прав человека, негативно повлияют на универсальное участие в них. Кроме того, именно государства, а не контрольные органы должны обеспечивать, чтобы их оговорки согласовывались с объектом и целью договора.

38. Другие делегации выразили мнение о том, что запрещение оговорок к многосторонним договорам, хотя и представляется негибким, может обеспечить целостность сложной системы норм и ценностей, особенно в таких областях, как права человека, где равенство между государствами и приверженность международного сообщества делу обеспечения универсальности и неделимости не должны подрываться. Необходимо изыскать способ для согласования правовых систем с обязательствами по международному праву, не ставя при этом договорную систему в целом в зависимость от другой системы норм и ценностей, рассматриваемой в качестве более высокой с точки зрения иерархии формулирующим оговорку государством, из-за чего многосторонняя конвенция теряет в значительной степени свою ценность, которая именно и состоит в том, что в ней определяются общие стандарты.

39. Некоторые делегации поинтересовались, согласуются ли со статьей 31 Венской конвенции проекты основных положений о заявлениях о толковании.

40. Кроме того, многие делегации усомнились в целесообразности установления отдельного режима для концепции условных заявлений о толковании, которая представляется довольно расплывчатой. Последствия условных заявлений о толковании являются весьма схожими с последствиями оговорки, однако эта концепция по-прежнему нуждается в дальнейшем разъяснении. Если в ходе дальнейшей работы будет подтверждено, что к последствиям оговорок и условных заявлений о толковании при-

меняются одни и те же нормы, то, видимо, нет необходимости во включении в Руководство по практике основных положений, касающихся условных заявлений о толковании. Основные положения, касающиеся оговорки будут *mutatis mutandis* применяться к условным заявлениям о толковании. Однако некоторые пробелы могут сохраниться, например, вопрос о том, как проводить различие между оговорками и заявлениями о толковании. Различные делегации высказали мнение о том, что было бы предпочтительным, чтобы Комиссия не включала в Руководство по практике проекты основных положений, касающихся условных заявлений о толковании.

41. Согласно другому мнению, основные положения, касающиеся заявлений о толковании и условных заявлений о толковании, необходимы, поскольку цель Руководства по практике состоит в заполнении пробелов в Венских конвенциях, не меняя ее положений, а также в разъяснении практики государств.

42. Было выражено мнение о том, что простые заявления о толковании могут представлять собой «замаскированные» оговорки, однако лишь в том случае, если они сформулированы письменно. Поэтому в Руководстве по практике следует рассмотреть только простые заявления о толковании, сформулированные в письменном виде и, как правило, представляемые депозитарию.

43. Было также поддержано включение в основные положения указания на международные организации, поскольку это отражает усиление роли международных организаций в области правотворчества.

44. Было высказано несколько других мнений общего порядка. Согласно одному мнению, было бы целесообразным включить больше информации о взаимосвязи между договорными органами по правам человека и работой Комиссии. Согласно другому мнению, проекты основных положений, видимо, являются чересчур детальными и сложными для применения. Согласно третьему мнению, вопросу об оговорках, не совместимых с объектом и целью договора, следует уделить самое первоочередное внимание в будущей работе Комиссии.

2. Проекты основных положений

Проект основного положения 1.4.7 (Односторонние заявления о выборе между положениями договора)

45. Указывалось, что сфера охвата этого основного положения должна быть расширена и включать в себя случаи, когда договор просто *позволяет* сторонам делать выбор между двумя или более положениями договора.

Проект основного положения 2.1.1 (Письменная форма)

46. Указывалось, что «устные оговорки» не могут существовать, поскольку письменная форма является единственным способом гарантирования стабильности и безопасности в договорных отношениях.

Проекты основных положений 2.1.3 (Полномочия формулировать оговорки на международном уровне)/2.4.1 (Формулирование заявлений о толковании)

47. Указывалось, что слово «полномочия» может привести к путанице и что необходимо провести различие между органами, полномочными «делать» или «формулировать» оговорку, и органами, полномочными «выражать» или «представлять» оговорку на международном уровне. Кроме того, не следует расширять круг лиц, которые могут формулировать оговорку на международном уровне.

Проекты основных положений 2.1.3 бис (Полномочия формулировать оговорки на национальном уровне)/2.4.1 бис (Полномочия формулировать заявления о толковании на национальном уровне)

48. Некоторые делегации заявили, что проекты этих основных положений не следует включать в Руководство, поскольку полномочия формулировать оговорки или заявления о толковании на национальном уровне должны регулироваться внутригосударственным законодательством каждого государства.

**Проект основного положения 2.1.4
(Отсутствие последствий на международном
уровне нарушения внутренних норм,
касающихся формулирования оговорок)**

49. Одна делегация не согласилась с проектом этого основного положения, которое ошибочно и абсолютно безосновательно направлено на сохранение действительности оговорок, которые по определению негативно сказываются на общей целостности договора. В таком случае внутрисударственное право должно иметь решающую силу и не следует оказывать помощь государству, формулирующему оговорку в нарушение нормы национального права.

**Проекты основных положений 2.1.5
(Уведомление об оговорках)/2.4.9
(Уведомление об условных заявлениях
о толковании)**

50. Было указано на необходимость разъяснения смысла выражения «заседающий орган, имеющий право принимать оговорку».

**Проект основного положения 2.2.2 (Случаи
необязательности подтверждения оговорок,
сформулированных при подписании
договоров)**

51. Было предложено после слов «его подписании» добавить выражение «согласно соответствующим положениям договора».

**Проект основного положения 2.2.3
(Оговорки, сформулированные при
подписании, прямо предусмотренные
договором)**

52. Отмечалось, что этот проект основного положения направлен на установление изъятия из общей нормы, содержащейся в проекте основного положения 2.2.1. Кроме того, была поставлена под сомнение прочность государственной практики в отношении подтверждения оговорок и толкования такого подтверждения.

**Проекты основных положений 2.4.3 (Момент,
в который может быть сформулировано
заявление о толковании)/2.4.4
(Необязательность подтверждения
заявлений о толковании, сформулированных
при подписании договора)**

53. Было предложено в начале проекта основного положения 2.4.3 перед словами «без ущерба» добавить выражение «Если договор не предусматривает иное и ...». Кроме того, это основное положение можно было бы объединить с проектом основного положения 2.4.4.

3. Последующее формулирование оговорок

54. Несколько делегаций выразили мнение о том, что терпимое отношение к относительно новой практике последующего формулирования оговорок не должно приводить к злоупотреблению ею; последующее формулирование оговорок должно осуществляться лишь в свете изменившихся обстоятельств или потребностей или с тем, чтобы исправить оплошность. Требование об единогласном согласии всех других сторон будет также сдерживать частое и недобросовестное использование такой практики. Другие делегации высказали озабоченность в связи с тем, что проекты основных положений о последующем формулировании оговорок (2.3.1 и 2.3.2) приведут к тому, что весь режим оговорок будет применяться к так называемым «последующим» оговоркам, на которые не распространяется определение оговорок, содержащееся в статье 19 Венской конвенции о праве международных договоров, и определение самой Комиссии международного права. В действительности, последующая оговорка представляет собой один из других видов заявлений. Государства — участники договора всегда могут достичь согласия о применении режима оговорок по отношению к «последующим» оговоркам к тому или иному договору, однако это не меняет принципиально отличного характера таких заявлений. Подход, предлагаемый в проектах основных положений, может привести элемент неустойчивости в договорную практику и, в конечном счете, стимулировать последующее формулирование оговорок без каких-либо видимых мотивов, ставя под угрозу основополагающий принцип «договоры должны соблюдаться». Применение режима «последующих оговорок» сопряжено с опасностью злоупотреблений или создания системы поправок к

договорам, которая будет противоречить нормам, изложенным в статьях 39–41 Венской конвенции. Опасность таких злоупотреблений может уменьшиться благодаря предложению Комиссии о том, что сформулированные впоследствии оговорки должны приниматься лишь в том случае, если договор не предусматривает иное, и в случае отсутствия возражений в отношении таких оговорок.

55. Согласно другому мнению, Комиссия выполнила важную задачу, разработав основное положение о последующем формулировании оговорок, разъясняющее условия для такой практики и процедуру, которой надлежит следовать. Эта процедура предусматривает формирование нового молчаливого согласия среди всех договаривающихся сторон относительно принятия «последующей» оговорки (равнозначной «изменению» договора), не ставя при этом под угрозу целостность принципа «договоры должны соблюдаться». Однако поскольку последующее формулирование оговорок является осложняющим фактором в договорных отношениях, эта практика должна оставаться ограниченной случаями, когда последующее формулирование представляет собой разумную альтернативу денонсации договора и когда осуществляется новая ратификация с учетом внесенной оговорки. Кроме того, отсутствие возражений в отношении такой или другой последующей оговорки в установленный период не должно толковаться как молчаливое согласие.

56. Согласно еще одному мнению, модификация оговорки, которая не представляет собой выход или частичный выход, должна также рассматриваться как новая оговорка, требующая признания договаривающихся сторон.

57. Что касается употребления термина «возражение» для выражения несогласия на процедуру последующего формулирования оговорок, то некоторые делегации выразили мнение о том, что они могли бы согласиться с ней, но считают, что употребление альтернативных терминов, таких, как «отвержение» или «отказ», или даже «возражение против права формулировать последующую оговорку», «отказ в этом праве» или «несогласие с этим правом», может помочь избежать путаницы. Термин «возражение» является правильным еще и потому, что он связан не только с существом оговорок, но и с датой, на которую они были сформулированы.

58. Двенадцатимесячный период после даты уведомления об оговорке был воспринят как разумный период для молчаливого признания последующих оговорок и требование о явно выраженном единомыслии в согласии лишило бы существа нормы, согласно которой последующие оговорки могут формулироваться при определенных условиях. Правовые последствия принятия сформулированной впоследствии оговорки должны быть ясными, поскольку из проекта основного положения 2.3.3 можно предположить, что принятие сформулированной впоследствии оговорки означает принятие самой оговорки. Однако этот вопрос нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

59. Было также выражено мнение о том, что вопрос о последующем формулировании оговорок должен быть далее изучен Комиссией, с тем чтобы она могла определить, существует ли достаточно примеров для оправдания формулирования общих норм, подпадает ли такая государственная практика под действие режима особых договоров и если подпадает, то должны ли касающиеся их нормы быть закреплены в Руководстве по практике. Указывалось также, что существующая практика свидетельствует о том, что последующие оговорки обычно допускаются в контексте договоров, которые конкретно позволяют формулировать оговорки; кроме того, эта практика вряд ли совместима с договорами в области прав человека.

4. Роль депозитария

60. Были поддержаны предложения Специального докладчика в отношении функции депозитариев. Однако указывалось, что проекты основных положений не должны отходить от положений Венской конвенции о праве международных договоров, особенно от ее статьи 77.

61. Было выражено мнение о том, что, поскольку институт депозитария претерпел изменения благодаря широкому принятию Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров, депозитарий должен обращать внимание формулирующего оговорку государства на любую неприемлемую оговорку, содержащуюся в документе о ратификации, принятии, одобрении и т.д. Если, тем не менее, соответствующее государство желает сохранить ее, может возникнуть разногласие по смыслу статьи 77 Венской конвенции между этим государством и депозитарием относительно выполнения

функций последнего. В таком случае в соответствии с этой статьей депозитарий доводит этот вопрос до сведения подписавших договор государств и договаривающихся государств либо до сведения компетентного органа заинтересованной международной организации. Сам депозитарий не имеет права рассматривать вопрос о законности оговорок или отказываться препровождать оговорки, которые он считает незаконными.

62. Многие делегации выразили мнение о том, что депозитарий по существу выполняет информационную функцию, заключающуюся в доведении до сведения других сторон о какой-либо оговорке, представленной государством, и что именно стороны должны определять, приемлема эта оговорка или нет.

63. Отмечалось, что роль депозитария является важной и сложной и что проекты основных положений должны стимулировать депозитариев к установлению единообразной практики. Суть вопроса заключается в признании оговорок и возражений против них.

64. Однако в ситуации, когда существует четко определенное запрещение оговорок или некоторых видов оговорок, депозитарий мог бы отвергать такие явно запрещенные оговорки, информировать соответствующее государство о причинах этого, действуя таким образом в качестве «арбитра». И напротив, когда оговорки в ясно выраженной форме не запрещены договором, однако представляются не совместимыми с объектом и целью договора согласно статье 19(с) Венской конвенции, решение должны принимать договаривающиеся стороны и депозитарий может действовать лишь в качестве «содействующей стороны».

65. Согласно другому мнению, положения статей 77 и 78 Венской конвенции 1969 года могут быть воспроизведены и адаптированы по отношению к конкретному случаю оговорок в Руководстве по практике. Таким образом, наделение депозитария правом отказываться препровождать явно неприемлемую оговорку, как представляется, есть логическое следствие применения статьи 19 Венской конвенции 1969 года. Было бы целесообразным проводить анализ формальной действительности оговорок, желательно до ее препровождения сторонам.

66. Весь вопрос нуждается в дальнейшем изучении, поскольку нынешняя практика, как представляется, свидетельствует о том, что депозитарии отказываются принимать оговорки, запрещенные самим договором. Кроме того, указывалось, что, если, тем не менее, формулирующее оговорку государство настаивает на ее распространении, депозитарий не может отказаться сделать это.

67. Комиссии следует также рассмотреть вопрос о роли, которую должен играть орган, учрежденный согласно договору в целях контроля за соблюдением обязательств государств в таких областях, как права человека.

С. Дипломатическая защита

1. Общие комментарии

68. Работа Комиссии над темой о дипломатической защите получила поддержку, и было высказано удовлетворение по поводу прогресса, достигнутого в отношении таких вопросов, как непрерывное гражданство, возможность передачи претензий и исчерпание местных средств правовой защиты. Была выражена признательность Специальному докладчику за его прогрессивный подход к этой классической теме международного права. Было выражено согласие с мнением Комиссии о том, что эта тема имеет большое практическое значение; что она не устарела, несмотря на создание механизмов урегулирования споров, и что она готова к кодификации. Так, было предложено, чтобы Комиссия уделила первоочередное внимание этой теме на своей следующей сессии. Важно нацелиться на практические аспекты, с тем чтобы разработать руководство для специалистов-практиков. Нормы о дипломатической защите тесно связаны с базовыми принципами и структурой межгосударственных отношений, способствуют разграничению компетенции государств и обеспечению уважения международного права, не нанося при этом ущерба другим соответствующим нормам, например, нормам, регулирующим права человека или защиту инвестиций.

69. Была выражена надежда на то, что работа Комиссии над этой темой будет ограничена широкими по сфере охвата принципами, с тем чтобы можно было завершить работу над ней в течение следующих пяти лет и принять кодификационный документ, основанный на международной практике и

судебных решениях. Другие утверждали, что проекты статей должны отражать прогрессивное развитие права, не отходя слишком далеко от обычного международного права.

2. Комментарии по конкретным статьям

Статья 2

70. В связи со статьей 2, рассмотренной Комиссией в 2000 году¹, было выражено мнение о том, что угроза силой или ее применения не должна рассматриваться в качестве законного средства дипломатической защиты и что это же справедливо в отношении репрессалий, реторсии, разрыва дипломатических отношений и экономических санкций. Согласно этому мнению, «гуманитарная» интервенция порой является лишь предлогом для злоупотребления применением силы. Дипломатическая защита должна инициировать процедуру мирного урегулирования спора, и применение силы оправдано лишь в порядке законной самообороны. Любое другое толкование поставит под сомнение принципы международного права, изложенные в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 6

71. Что касается статьи 6 проектов статей, рассмотренной Комиссией в 2000 году², то было выражено мнение о том, что государство, с которым гражданин имеет преобладающую и эффективную связь, имеет право действовать от его имени. Такое государство должно иметь такое право даже если защита направлена против государства другого гражданства физического лица. Хотя имеются определенные сомнения относительно релевантности примеров из практики, приведенных Специальным докладчиком, указывалось, что статья 6 представляет собой желательное решение и что, если существующая практика окажется недостаточной, то эта статья может рассматриваться в качестве примера прогрессивного развития права. Другие заявили, что было бы полезным, если бы Комиссия определила концепцию эффективной связи более точно во избежание неопределенности. В то же время было выражено мнение о том, что было бы нецелесооб-

разным, чтобы Комиссия пыталась определить гражданскую связь юридических или физических лиц или условия для предоставления гражданства. Скорее ей следовало бы сконцентрироваться на определении условий, при которых на гражданскую принадлежность можно ссылаться в другом государстве в контексте дипломатической защиты. Следует напомнить, что Международный Суд расширил сферу охвата этого вопроса в деле *Номтебома*, однако лишь в весьма общем виде, и его решение не получило единодушного одобрения.

Статья 8

72. В связи с вопросом, касающимся статьи 8, содержащейся в докладе Комиссии 2000 года³, некоторые делегации подтвердили мнение о том, что государство, в котором лицо без гражданства или беженец законно и обычно проживает, имеет право защищать это лицо, хотя осуществление дипломатической защиты от имени беженца в государстве, гражданином которого он являлся, будет, по-видимому, не очень эффективным. Было высказано предложение о необходимости создания системы защиты, аналогичной дипломатической защите, в контексте прав человека в интересах лиц без гражданства и беженцев.

73. Другие высказали мнение о том, что статья 8 определенно сопряжена с прогрессивным развитием международного права, не имеет поддержки в практике государств и даже, как представляется, не согласуется с некоторыми положениями комментария к Женевской конвенции 1951 года о статусе беженцев, в котором четко говорится, что факт выдачи проездных документов никоим образом не дает их владельцу защиты дипломатических или консульских властей страны выдачи и не предоставляет этим властям права защиты. Аналогичным образом, в Конвенции 1961 года о сокращении безгражданства вопрос о дипломатической защите обойден молчанием. Кроме того, поскольку трудно представить себе обстоятельства, при которых такое обязательство может налагаться, предоставление дипломатической защиты этим категориям лиц создало бы дополнительное бремя для государств.

¹ См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят пятая сессия, Дополнение № 10 (A/55/10)*, пункты 430–439.

² Там же, пункты 472–480.

³ Там же, пункт 24(е) и (f).

Статья 9

74. Хотя Специальному докладчику была выражена признательность за его непредвзятый подход к вопросу о непрерывности гражданства, была выражена решительная поддержка сохранению обычно-правовой нормы, т.е. нормы о том, что дипломатическая защита может осуществляться лишь от имени гражданина государства-истца и что гражданская связь должна существовать от начала до конца процесса предъявления международной претензии. Отмечалось, что норма о непрерывном гражданстве получила широкое подтверждение в судебной практике и является установившейся нормой обычного международного права. Кроме того, указывалось на наличие достаточных оснований, укоренившихся как в доктрине, так и в практике, для традиционной нормы, которая позволяет рассматриваемому государству отстаивать свои права и пресекать практику выбора «наиболее удобного защитника». Далее отмечалось, что предложения Специального докладчика о внесении поправок в эту норму противоречат базовой концепции, лежащей в основе дипломатической защиты, согласно которой право на предъявление международной претензии против причинившего вред государству принадлежит государству гражданской принадлежности пострадавшего, а не самому пострадавшему.

75. И напротив, другие выразили определенную поддержку критическим замечаниям Специального докладчика в адрес традиционной нормы о непрерывности гражданства и его предложениям о том, что Комиссии следует принять более гибкую норму, в большей степени признав индивида в качестве конечного бенефициара дипломатической защиты. Одна делегация заявила о том, что она испытывает серьезную озабоченность относительно этой нормы в ее нынешнем виде. Она может привести к большой несправедливости по отношению к лицу, которое понесло ущерб и после этого претерпело недобровольное изменение гражданства вследствие правопреемства государства или заключения брака. Само содержание этой нормы не является ясным, поскольку концепция, касающаяся даты причинения ущерба и даты предъявления претензии, еще не разъяснена. Эта норма не получила последовательной поддержки в судебных решениях, в доктрине или во время кодификационных попыток и ее сложно согласовать с событиями, происходящими в области прав человека. Указывалось на статью 9 Кон-

венции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, которая требует, чтобы государства-участники предоставляли женщинам равные с мужчинами права в отношении приобретения, изменения или сохранения их гражданства и чтобы они обеспечивали, что ни вступление в брак с иностранцем, ни изменение гражданства мужа во время брака не влекли за собой автоматического изменения гражданства жены, не превращали ее в лицо без гражданства и не заставляли ее принять гражданство мужа.

76. Вместе с тем было выражено также мнение о том, что нынешняя тенденция к защите физических лиц не оправдывает изменения нормы о непрерывности гражданства. Отмечалось, что традиционная норма отражает идею, согласно которой через посредство дипломатической защиты государство утверждает свои собственные права, т.е. идею о том, что дипломатическая защита является дискреционным правом государства; таков механизм, регулирующий межгосударственные отношения. Как таковая, дипломатическая защита — это прерогатива государства, а не физического лица. Одним из необходимых условий, для того чтобы государство могло осуществить это право, является существование юридической связи между государством и физическим лицом на основе его гражданства. Хотя такой подход в полной мере не согласуется с интересами физического лица в контексте прав человека, эти права защищаются другими способами и другими средствами, в том числе с помощью права на индивидуальную петицию согласно конвенциям в области прав человека. Хотя государство, осуществляющее дипломатическую защиту, должно учитывать права пострадавшего лица, дипломатическая защита сама по себе не является одним из институтов в области прав человека. Кроме того, объединение концепций дипломатической защиты и прав человека и утрата четкого разграничения между ними не отвечает интересам международного права и, в конечном счете, интересам физических лиц. Вместо этого предлагалось сохранить традиционную норму, а Комиссии изучить способы придания ей большей гибкости, с тем чтобы избежать каких-либо несправедливых результатов. С этой целью предлагалось больше внимания уделить идее установления «разумных» изъятий в контексте прогрессивного развития, с тем чтобы учесть ситуации, когда физическое лицо в ином случае не может заручиться защитой со стороны государства.

77. Отмечалось, что в отличие от добровольной смены гражданства, которая сопряжена с возможностью злоупотреблений, недобровольная смена происходит не по чьей-либо вине, и здравый смысл, а также справедливость требуют смягчения общей нормы о непрерывности гражданства. Такие случаи включают в себя случаи, связанные с недобровольной утерей гражданства вследствие правопреемства государства, когда гражданство присваивается непосредственно или *ipso jure* законом, или другие случаи, включая вступление в брак и усыновление. В число других примеров входят случаи, сопряженные с разными гражданскими претензиями, связанной с наследованием или суброгацией. Было предложено обусловить такие изъятия определенными требованиями: чтобы приобретение гражданства, ведущее к утере первоначального гражданства, осуществлялось добросовестно и чтобы существовала материально-правовая связь между физическим лицом и последующим гражданством. Подобным образом, важно четко ограничить изъятия во избежание злоупотреблений. Предлагалось, чтобы различие между добровольной и недобровольной сменой гражданства использовалось в качестве ориентира для разработки таких изъятий и сокращения случаев поиска «удобных претензий» и «удобного суда». Предлагалось также провести различие между недобровольной сменой гражданства в результате вступления в брак или смерти соответствующего лица, или в результате правопреемства государств и случаями, когда передача претензии происходит вследствие суброгации, цессии, усыновления или натурализации. Согласно этому мнению, последние случаи требуют более тщательного анализа и не должны рассматриваться как случаи непрерывного гражданства, даже если при определенных конкретных обстоятельствах на них может также распространяться дипломатическая защита.

78. В качестве одного из предложений редакционного характера была высказана идея о недостаточности требования о добросовестном изменении гражданства после причинения ущерба, присваиваемого государству, особенно в свете современной тенденции к предоставлению физическим лицам большей свободы в плане смены их гражданства благодаря растущему признанию права человека на гражданство. Кроме того, предлагалось провести в статье 9 более четкое различие между физическими и юридическими лицами.

Статья 10

79. Был поддержан подход Специального докладчика к правовому режиму, касающемуся исчерпания местных средств правовой защиты, который является прочно утвердившейся нормой международного права. Кроме того, было поддержано решение Специального докладчика посвятить этой норме несколько различных статей. Хотя в общем статья 10 была воспринята с удовлетворением, отмечалось также, что используемый подход не в полной мере согласуется с решением, принятым в контексте проектов статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

80. Что касается пункта 1, то была высказана идея о том, что формулировка статьи 10 может быть улучшена, если будет указано, что гражданин, претензия которого нуждается в поддержке, должен исчерпать только «существующие и эффективные» местные средства правовой защиты. В противном случае слово «все» применительно к местным средствам правовой защиты было бы чересчур широким и налагало бы чрезмерное бремя на пострадавшее физическое лицо. Кроме того, отмечалось, что критерий эффективности последовательно применяется в рамках международных конвенций в области прав человека, включая Европейскую конвенцию о правах человека. Кроме того, предлагалось добавить перед словом «имеющиеся» такие слова, как «законно» и «фактически».

81. Другие высказались в пользу сохранения формулировки пункта 1, не добавляя критерия эффективности, поскольку он может привести к субъективному толкованию. Были выражены сомнения относительно необходимости установления дополнительных условий для нормы об исчерпании местных средств правовой защиты, поскольку достаточно того, чтобы такие средства защиты были доступны в течение разумного периода и чтобы эта норма толковалась добросовестно. Кроме того, отмечалось, что не следует ставить под сомнение эффективность стандартов правосудия, используемых государством, до тех пор, пока эти стандарты согласуются с естественно-правовой концепцией правосудия. В этой связи было выражено мнение о том, что Комиссии не следует рассматривать концепцию отказа в правосудии. Другие же по-прежнему поддерживают включение этой концепции в проекты статей, поскольку никакой ущерб не может быть

присвоен государству, если не будет доказан факт отказа в правосудии.

82. Что касается пункта 2, то Комиссии было предложено пересмотреть ограничение, согласно которому должны использоваться лишь те средства правовой защиты, которые доступны «по праву». В некоторых правовых системах последнее требование будет означать, что истцы не должны будут искать защиты в судах самой высокой инстанции в делах, когда стороны не могут предъявлять апелляции «по праву». Другие поддержали мнение о том, что неправовые или дискреционные средства правовой защиты должны быть исключены из сферы охвата нормы об исчерпании местных средств правовой защиты. Отмечалось, что такой подход согласуется с современной судебной практикой, согласно которой доступными по праву являются лишь судебные или административные средства защиты. Предлагалось, чтобы основным критерием в отношении «средств правовой защиты» были достаточность и доступность для каждого, что исключает чисто дискреционные средства правовой защиты.

83. Было также выражено мнение о том, что эта статья должна содержать всеобъемлющее определение средств правовой защиты, которые надлежит исчерпывать. Кроме того, была высказана идея о достаточности выражения «судебные или административные суды или власти, будь то обычные или специальные». Согласно другому мнению, указание на «административные суды или власти» выходит за рамки средств правовой защиты, поскольку такие власти могут быть связаны с политическими органами государства. Кроме того, было высказано мнение о том, что выражение «будь то обычные или специальные» является неопределенным и нуждается в разъяснении. Далее предлагалось, чтобы Комиссия рассмотрела вопрос о том, можно ли рассматривать в качестве одного из местных средств правовой защиты обращение с претензией в судебный орган, который не является внутригосударственным, однако доступен для всех граждан государства.

84. В числе других предложений указывалось, что в разъяснении также нуждается вопрос о том, когда и в течение какого периода претензия физического лица становится международной претензией. Указывалось далее, что эта норма, развивавшаяся на протяжении длительного периода времени в прецедентном праве, имеет много конкретных примене-

ний, которые в явно выраженной форме не отражены в тексте. Поэтому предлагалось сделать эту статью более четкой в отношении практических проблем, таких, как апелляции и другие имеющиеся средства оспаривания судебного решения в рамках внутригосударственной правовой системы, крайне отрицательные последствия невызова определенных очень важных свидетелей или необходимость получения доступа ко всем процессуальным средствам, имеющим важнейшее значение для успешного рассмотрения дела.

Статья 11

85. В связи со статьей 11 отмечалось, что норма о местных средствах правовой защиты применяется лишь в случае претензий, выдвинутых государством в силу причинения ущерба одному из его граждан, а не в рамках требования возмещения за ущерб, причиненный самому государству. Однако на практике дипломатические претензии часто носят смешанный характер и сопряжены как с непосредственным ущербом самому государству, так и с косвенным ущербом государству в силу причинения ущерба его гражданину. В таких случаях сложно сформулировать норму общего характера. Вместо этого следует использовать гибкий подход, с тем чтобы установить справедливый баланс между интересами государства и интересами его граждан. Было выражено мнение о том, что статья 11 за счет использования таких слов, как «преимущественный» и «если бы этому гражданину не был причинен ущерб», устанавливает два критерия, которые являются удовлетворительными для поставленной цели. Кроме того, предлагалось использовать эти два критерия на альтернативной, а не кумулятивной основе и оставить на усмотрение судьи решение вопроса о применении этих критериев. Поэтому необходимость в указании иллюстративных примеров в этой связи отсутствует.

86. Был особо поддержан критерий «преимущественности», который использовался в ряде дел, рассмотренных международными судами. Отмечалось, что, хотя сложно определить, является ли претензия прямой или косвенной, эта задача не является невозможной. Была высказана идея, что, когда речь идет об ущербе как прямом, так и косвенном, необходимо изучить составные элементы и рассматривать инцидент в целом на основе критерия преимущественности. Было также выражено мнение о том,

что «ходатайство о вынесении деклараторного решения», о котором идет речь в статье 11, можно рассматривать в качестве указания на то, что ущерб является прямым в том, что касается государства. Было высказано предложение о включении отдельной статьи для рассмотрения вопроса о применении критерия «преимущественности», особенно в смешанных делах, а также для рассмотрения дел, когда положение о ходатайстве о вынесении деклараторного решения может применяться или не применяться. Отмечалось далее, что другие факторы, такие, как предмет спора, характер претензии и требуемые средства правовой защиты, также могут учитываться при оценке того, является ли претензия преимущественно прямой или косвенной. Другие отметили, что, хотя в принципе различие между прямыми и косвенными претензиями является верным, критерии Специального докладчика относительно этого различия не являются убедительными и нуждаются в дальнейшем анализе. Другие же предложили предпринять дополнительные усилия для разграничения прямых и косвенных претензий в статье 11. В числе предложений редакционного характера было высказано предложение о том, что Комиссия могла бы рассмотреть вопрос об объединении статей 10 и 11.

Статья 14

87. Отмечалось предложение Специального докладчика о будущей работе над статьей 14, охватывающей ситуации, когда необходимость в исчерпании местных средств правовой защиты отсутствует⁴. Было поддержано предложение Специального докладчика о включении в число оснований, когда эту норму можно не использовать, отсутствие добровольной связи между потерпевшим физическим лицом и государством-ответчиком. В этой связи были приведены примеры случаев причинения трансграничного вреда в результате загрязнения.

3. Комментарии по конкретным вопросам

Юридические лица

88. Что касается вопросов, содержащихся в пункте 28 доклада Комиссии 2001 года, то было выражено мнение о том, что дипломатическая защита компаний также должна основываться на правовой связи между государством и компанией с учетом ее

национальной принадлежности. Такая связь может, как это имеет место во многих странах, основываться на критерии места инкорпорации или регистрации компаний. Лишь государство, национальную принадлежность которого компания приобрела посредством инкорпорации или регистрации, имеет право оказывать ей дипломатическую защиту. Другие делегации отметили, что практика государств еще не устоялась и что поэтому следует учитывать нынешние тенденции и формирующуюся практику. Так, было выражено мнение о том, что, поскольку вопрос о дипломатической защите юридических лиц влечет за собой много особых вопросов, заслуживающих тщательного анализа и освещения Комиссией, работа сначала должна быть нацелена на защиту физических лиц; и что решение о включении юридических лиц в окончательный текст будет принято на более позднем этапе.

89. Что касается вопроса о дипломатической защите держателей акций, то отмечалось, что этот вопрос связан с принятым в 1970 году решением Международного Суда по делу о компании «Барселона трекшн». Большинство Суд постановил, что общая норма международного права позволяет лишь государству национальной принадлежности компании предъявлять претензию, что лишает дипломатической защиты держателей акции компаний. Тем не менее это решение подверглось критике различными учеными как несправедливое по отношению к держателям акций. Так, другие отмечали, что Суд не вынес решения по вопросу о том, может ли государство осуществлять дипломатическую защиту на основании гражданской принадлежности большинства держателей акций, если компания закрыта или если компания имеет одну и ту же национальность, что и государство, от которого ее следует защищать. Поэтому было бы целесообразным, чтобы Комиссия изучила обе гипотезы, с тем чтобы определить условия, в которых можно было бы сформулировать изъятия из общей нормы. В этой связи было поддержано мнение о том, что, если тот или иной держатель акций понес убытки и ущерб, государство гражданской принадлежности этого держателя акций должно иметь возможность осуществлять дипломатическую защиту от его имени.

90. Согласно другому мнению, компания и держатели ее акций — это два разных юридических понятия. Ущерб компании, причиненный государством,

⁴ См. A/CN.4/514, пункт 67.

не всегда создает права для держателей акций на предъявление претензий. Государство, гражданами которого являются держатели акций, не должно осуществлять дипломатическую защиту, действуя против государства, в котором компания инкорпорирована или зарегистрирована. Кроме того, отмечалось, что вопрос об иностранных держателях акций, выдвигающих претензии против своей собственной компании, как представляется, подпадает под сферу действия внутреннего законодательства государств, за исключением случаев отказа в правосудии или дискриминации в отношении иностранцев.

D. Односторонние акты государств

1. Общие комментарии

91. Была поддержана работа, проводимая Комиссией над этой темой, о сложности которой свидетельствует тот факт, что в самой Комиссии пришлось провести прения по вопросу о практической осуществимости кодификации этой темы, и те проблемы, с которыми, как представляется, сталкиваются государства при развитии их практики в этой области. Делегации выразили удовлетворение по поводу достигнутого до настоящего времени прогресса, хотя отмечалось, что работа Комиссии над этой темой не идет так гладко, как хотелось бы.

92. Отмечалось, что исследование следует продолжить, и для этого необходимо получить дополнительную информацию о практике государств и международных организаций. Указывалось, что такая информация должна быть получена до того, как будут сделаны какие-либо выводы относительно дальнейшей работы над этой темой. Согласно другому мнению, Комиссии следует рассмотреть возможность разработки комплекса выводов над этой темой, а не заниматься подготовкой проектов статей.

2. Классификация односторонних актов и сфера охвата этой темы

93. Указывалось, что, хотя классификация односторонних актов имеет ценное значение с теоретической точки зрения, она не всегда имеет важное или полезное значение для государств; самый главный аспект состоит в определении того, является ли односторонний акт обязательным для государства-

автора и могут ли другие государства полагаться на обязательный характер этого акта.

94. Однако, согласно еще одному мнению, важно разработать классификацию односторонних актов в качестве одного из предварительных шагов в направлении разработки норм по этой теме. В этой связи отмечалось, что Комиссии следует в предварительном порядке разработать классификацию на основе критерия правовых последствий.

95. Что касается двух предложенных категорий односторонних актов, т.е. актов, посредством которых государство берет на себя обязательства, и актов, посредством которых оно подтверждает какое-либо право, то отмечалось, что необходимо продолжить рассмотрение вопроса об уместности установления двух предлагаемых категорий. В этой связи отмечалось, что некоторые односторонние акты, такие, как признание и протест, с трудом укладываются в предлагаемые категории. Согласно этому мнению, следует добавить третью категорию, состоящую из актов, которые признают или отвергают определенную ситуацию или юридическую взаимосвязь.

96. Кроме того, отмечалось, что некоторые односторонние акты могут одновременно подпадать под две категории. Например, когда государство заявляет о своем нейтралитете, можно считать, что оно принимает на себя обязательство и подтверждает право.

97. Согласно одному мнению, классификация односторонних актов на основе их правовых последствий является правильной, хотя включение заявлений о толковании вызывает сомнение; такие заявления в силу того, что они имеют договорную основу, нуждаются в рассмотрении в контексте оговорок.

98. Что касается заявлений о толковании, которые связаны с каким-либо предыдущим текстом, но выходят за рамки обязательств, закрепленных в договоре, то отмечалось, что даже если такие заявления о толковании рассматривать в качестве независимых актов, договор, с которым эти акты связаны, должен рассматриваться в качестве контекста, в котором они толкуются; система, установленная договорными положениями, обязательными для сторон, не должна дополняться односторонними актами одной из них.

99. Указывалось, что в классификации односторонних актов, содержащихся в проектах статей, отсутствуют односторонние заявления и поведение государств, и, видимо, такой пропуск не является обоснованным. В этой связи были приведены два примера односторонних заявлений, которые приобрели нормативный прецедентный характер, т.е. две прокламации Трумэна 1946 года об охране окружающей среды и о континентальном шельфе.

100. Было выражено мнение о важности проведения различия между формами односторонних актов и их последствиями. Что касается формы, то были упомянуты четыре следующих варианта: а) конкретные обращения к конкретным адресатам; б) общие декларации или заявления, сделанные *urbi et orbi*; в) акции, не сопровождаемые каким-либо заявлением или декларацией; и д) молчание, равнозначное молчаливому согласию.

101. Что касается последствий односторонних актов, то был представлен список из 10 следующих вариантов: i) принятие международно-правового обязательства; ii) прекращение международно-правовых обязательств; iii) утверждение о праве; iv) отказ от права; v) осуществление права; vi) установление нового статуса; vii) прекращение такого статуса; viii) признание нового государства или правительства; ix) толкование собственной позиции государства по отношению к его обязательствам и правам; и x) протест против актов других государств.

102. Разумеется, что последствия будут зависеть от действительности одностороннего акта государства. Кроме того, отмечалось, что одностороннее заявление государства не является обязательным само по себе, но создает ситуацию эстоппеля, в результате чего государство впоследствии не может действовать в порядке, не совместимом с этим заявлением. Согласно этому мнению, Комиссии до завершения изучения односторонних актов следует рассмотреть вопрос об эстоппеле.

103. Что касается содержания проекта статьи 1, то было предложено включить перед словом «волеизъявление» слово «самостоятельное». Слово «намерение» должно толковаться как указывающее на заявленное намерение государства-автора, а не на его подлинное намерение.

104. Касаясь вопроса о сфере охвата этой темы, некоторые делегации выразили мнение об отсутствии

необходимости во всеобъемлющем комплексе норм. Другие же высказались за то, чтобы сделать акцент на более развитых областях практики государств. Было указано, что было бы предпочтительным сконцентрироваться в работе на некоторых типичных односторонних актах и правовом режиме, применимом по отношению к ним. Элементы толкования, которые необходимо учитывать при определении того, является ли действие или бездействие односторонним актом, сами по себе будут играть роль в его классификации. Этому процессу должен предшествовать процесс толкования конкретного характера акта, который уже определен в качестве одностороннего, но вызывает сомнение с точки зрения его содержания и сферы охвата.

105. Отмечалось, что категория особых актов, выходящих за рамки исследования, может быть расширена и включать в себя одностороннюю оговорку, сделанную в контексте договора, а также объявление войны или нейтралитета и протесты, которые являются актами, подтверждающими права.

106. Было выражено мнение о том, что поведение государств, которое может иметь правовые последствия, заслуживает самостоятельного рассмотрения в отрыве от односторонних актов.

107. Отмечалось, что Комиссии следует сконцентрироваться на разработке и изучении общих норм, применимых по отношению ко всем односторонним актам. После того как будут установлены универсальность и значимость каждого акта, можно будет разработать нормы, касающиеся каждой категории, с учетом конкретной ситуации и потребностей с детальными положениями об определении элементов и юридической действительности.

108. Было поддержано решение Специального докладчика исключить молчание из сферы охвата этой темы, поскольку его нельзя приравнивать к одностороннему акту. Было также выражено мнение о том, что контрмеры не сопоставимы с односторонними актами и поэтому не должны рассматриваться в этом исследовании.

3. Подход к теме

109. Было выражено мнение о том, что попытка разработать комплекс норм, применимых по отношению ко всем односторонним актам, не является достаточно обоснованной. Указывалось, что можно разработать общие нормы, касающиеся определе-

ния, формулирования и толкования односторонних актов. Тем не менее также отмечалось, что этот же порядок нельзя применить к правовым последствиям односторонних актов с учетом разнообразия таких последствий.

110. Отмечалось, что в силу своих особенностей односторонние акты государств должны регулироваться определенными четкими условиями, с тем чтобы иметь правовые последствия. В этой связи был приведен пример, согласно которому односторонние акты в форме национальных законов государства не должны регулировать их последствия для иностранных граждан на территории другого государства, создавая тем самым экстерриториальные последствия и преследуя цель создания квазиправовой связи между одним государством и гражданами другого государства.

111. Было выражено мнение о том, что Комиссии следует сосредоточить свое внимание на актах, составляющих самостоятельный источник международного права, когда односторонний акт представляет собой имеющее обязательную силу обязательство по отношению к другому государству или государствам или по отношению к международному сообществу в целом. Такие акты, хотя и не являются распространенными, должны регулироваться по причинам юридической определенности. Поэтому Комиссии не следует рассматривать односторонние акты, которые связаны с договором или с нормами обычного международного права, или институциональными актами международных организаций.

112. Что касается «самостоятельности» односторонних актов, то указывалось, что, для того чтобы быть односторонним, акт должен иметь самостоятельные правовые последствия, независимо от формы волеизъявления какого-либо другого субъекта международного права; самостоятельность является существенно важным критерием акта, который следует должным образом учесть в его определении. Кроме того, отмечалось, что если рассматривать лишь односторонние акты, которые не связаны с действующими обычными или конвенционными нормами, то можно столкнуться с опасностью лишения этого предмета значительной части его содержания.

113. Согласно одному мнению, Комиссии следует воздерживаться от разработки каких-либо новых норм до тех пор, пока она не завершит выполнение

следующих шести приоритетных задач: i) согласование типов или перечней, охватывающих все категории односторонних деяний; ii) принятие решения о том, следует ли добавлять перечень остаточного характера; iii) определение того, следует ли сохранить в перечне все категории особых актов; iv) принятие решения о том, будет ли каждая из особых категорий регулироваться общими нормами; v) определение того, требуются ли особые нормы в случае некоторых особых категорий деяний, для которых общих норм может оказаться недостаточно; и vi) достижение согласия в отношении категорий, по которым будут распределены общие нормы.

114. Некоторые делегации поддержали предложение Специального докладчика принять нормы о толковании, содержащиеся в Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров. Однако также указывалось, что, хотя договор носит консенсусный характер, односторонний акт не имеет такого характера и, следовательно, это различие необходимо учитывать. В этой связи было заявлено, что отправной точкой должны быть связанные с толкованием требования к одностороннему акту после того, как будет сделан вывод о том, будут ли такие требования удовлетворены с помощью соответствующих норм Конвенции.

115. Подчеркивалось, что толкование односторонних актов государствами должно осуществляться тщательно с учетом конкретных обстоятельств и особых характеристик одностороннего акта. Это особо важно, когда речь идет о том, что государство взяло на себя имеющее обязательную силу обязательство посредством одностороннего заявления; в этом случае вывод о том, что государство в одностороннем порядке взяло на себя такое обязательство, в полной мере зависит от однозначного вывода о том, что в этом заключалось намерение государства, сделавшего заявление. Намерение государства-автора должно быть одним из главных критериев и поэтому больший акцент следует сделать на подготовительной работе, четко свидетельствующей о таком намерении.

116. Указывалось, что для целей толкования необходимо учитывать объект и цель одностороннего акта; это является основой одной из базовых норм толкования, а именно нормы об эффективности. Можно было бы добавить дополнительную оговорку, указывающую на необходимость должного учета

намерения государства, делающего заявление, или ограничительного толкования односторонних актов.

117. Отмечалось, что, видимо, невозможно применять ко всем односторонним актам одни и те же нормы толкования. Будут существовать два уровня толкования: первый с целью определения того, подпадает ли тот или иной конкретной односторонний акт под категорию актов, имеющих своей целью наступление правовых последствий. После того, как будет определено, что намерение действительно заключалось в этом, будет применяться второй уровень толкования, направленный на то, чтобы рассеять какие-либо сомнения относительно содержания акта. Не совсем ясно, будут ли применяться одни и те же нормы толкования на этих двух уровнях.

118. Несколько делегаций поддержали новые проекты статей (a) и (b), хотя было заявлено, что пункты 1 и 2 статьи (a) можно было бы объединить. Что касается статьи (a), пункт 1, то были высказаны сомнения относительно его применимости ко всем категориям односторонних актов. В связи со статьей (a), пункт 2, была высказана идея о необходимости добавления слов «если таковые имеются» после слова «приложения», с тем чтобы охватить сформулированные в устной форме акты. Что касается проекта статьи (b), то было предложено исключить слова «подготовительным материалам» с учетом того факта, что они не являются дополнительным средством толкования односторонних актов в силу того, что, если такие подготовительные материалы существуют, государству-адресату будет чрезвычайно сложно получить к ним доступ.

119. Согласно другому мнению, новые проекты статей не являются убедительными по нескольким следующим причинам: вызывает сомнение, будут ли применяться положения Венской конвенции 1969 года о праве международных договоров к односторонним актам, с учетом особого характера таких актов; намерение государства-автора является самым важным фактором, который необходимо анализировать даже больше, чем содержание одностороннего акта; в двух проектах статей содержатся различного рода противоречия в том, что, как представляется, они определяют намерение в качестве преобладающего критерия, при этом средства установления этого намерения включены в число дополнительных средств толкования. Как представляется, подход Специального докладчика не согласуется с подходом Международного Суда, который

заявил о том, что самое важное значение имеет намерение государства-автора.

120. Что касается недействительности односторонних актов, то отмечалось, что практика государств имеет большее значение, чем применение норм, касающихся конвенционных актов.

121. Кроме того, указывалось, что еще не пришло время для рассмотрения вопроса о толковании односторонних актов; сначала необходимо разработать материально-правовые и процессуальные нормы по этой теме.

Е. Другие решения и выводы Комиссии

122. Что касается долгосрочной программы работы, то делегации высоко оценили работу Комиссии по этому поручению. Они особо отметили достоинство предлагаемых новых тем с учетом потенциальной необходимости разъяснения права в областях, в которых могут возникать практические проблемы. Многие делегации выразили мнение о том, что тема об ответственности международных организаций готова к кодификации и что Комиссии следует уделить ей в числе пяти рекомендованных тем первоочередное внимание. Некоторые делегации также поддержали предложение о рассмотрении темы об общих природных ресурсах государств.

123. Кроме того, указывалось, что Комиссии следует сотрудничать с другими международными органами, которые способствуют укреплению общего международного права, содействуя заключению важнейших международных соглашений.